

Глава 9.1

Было уже далеко за 4 часа дня, когда я вернулась обратно в особняк. Я отослала горничную, которая, на мой взгляд, излишне суетилась, спрашивая, где я была, чтобы она вместо глупых вопросов лучше бы разложила мой багаж.

‘Да, иногда все же приходится затыкать рот обслуживающему персоналу’.

Хорошо, что мне не пришлось беспокоиться о том, что меня поймает Малыш, несмотря на шум, который устроила прислуга, поскольку они всегда уходили с работы с заходом солнца.

Даже если бы я рассказала Сениэлю, это не причинило бы мне вреда, пока Малыш этого не услышал.

Я порылась в сумке для покупок, которая была просто небрежно брошена на кровать. Защитное снаряжение в виде жилета было наверху, поэтому я, естественно, взяла его первым.

‘Не лучше ли начинать его носить это с этого момента?’

В романе Малыш не выходит на улицу, если ему нечем заняться, потому что он ненавидит дневное время. Но через некоторое время, возможно, для меня было бы лучше, если бы он чаще появлялся днем, а не ночью.

‘Конечно, только после того, как я установлю высокую степень близости с главной женской ролью’.

Тем не менее, возможно, было бы лучше быть готовым к любым непредвиденным обстоятельствам.

‘Почему Малыш не часто выходил из дома в течение дня?’

Я внимательно осмотрела жилет на предмет рваных швов и вспомнил персонажа Малыша.

‘О, я вспомнила’.

Причину, по которой он не выходил в течение дня, можно свести к двум причинам. Во-первых, он терпеть не может наблюдать, как люди улыбаются в течение дня. Во-вторых, было слишком много глаз. Потому что тогда люди быстро заметили бы подозрительное поведение Малыша.

Вероятность того, что Малыш выйдет в течение дня, была чрезвычайно мала, но было слишком рано успокаиваться.

‘Потому что Малыш мог контролировать свое тело в любое время по сравнению с Сениэлем, у которого была слабая воля, гораздо слабее воли Малыша’.

Возможно, это было потому, что у него было более сильное желание обладать своим телом, чем у Сениэля. Поэтому Малыш мог появляться, когда хотел.

‘Тот факт, что я могу смотреть в лицо Малышу, разговаривая с Сениэлем ...’

Я знала, что шансы на то, что это произойдет, были чрезвычайно малы, но от одной мысли об этом у меня мурашки побежали по коже.

‘Давай теперь будем это носить это на всякий случай’.

Я сняла одежду и надела жилет, чтобы он всегда был на мене, скрываемый верхней одеждой.

С этого момента я буду носить только ту одежду, которую смогу надеть сама, без помощи горничной. Не имело большого значения, если бы горничная застала меня в защитном снаряжении, но я думала, что они, слуги, будут беспокоить меня разными вопросами, потому что их беспокоило бы, почему я надела защитное снаряжение.

‘Я не хочу думать о неприятных вещах, кроме Малыша’.

Мне пришлось максимально экономить свои физические и умственные силы.

Я положила электрошокер — или, если быть точным, шокер святой силы — под свою пушистую подушку, а затем вытащила его снова.

‘Они могут выбросить его во время уборки’.

Я решила пока положить электрошокер на свой стол и переложить его под подушку прямо перед сном.

‘Надеюсь, Малыш не будет так тщательно рыться в моей спальне’.

Класть устройство в ящик стола было небезопасно. В оригинальной истории я не видела, как Малыш рылся в комнате Виви, но он не был похож на человека, который не стал бы этого делать, так что я не могла до конца успокоиться.

‘И все же лучше быть пойманным, чем вообще не быть. По крайней мере, я могу за что-то держаться и сражаться.’

Наконец, я присела на корточки у кровати, чтобы спрятать поддельное удостоверение личности. Я взяла клей, который купила в магазине, и сунула руку под кровать. Затем я прикрепила удостоверение личности к изножью кровати.

Я наклонила голову и заглянула под кровать. Если не смотреть намеренно в низ, то на поверхности, казалось, ничего не было.

‘Это идеально’.

Я отряхнула руки, думая, что соберу доказательства убийства Малыша, как только проснусь завтра.

Измученная, я села прямо на землю.

‘Как мне пережить сегодняшнюю ночь?’

Готовясь к приезду Малыша ночью, я собрала в уме реплики, объясняющие, какого рода нежное поведение у меня было с Сениэль. Я боялась, что не смогу говорить, когда увижу Малыша, поэтому мне пришлось заранее запомнить реплики.

‘Но что, если он потребует доказательств?’

Не было никаких доказательств совращения людей, но он был из тех людей, которые запросили бы доказательства даже для такой вещи.

Я начала вставать со своего места, упираясь руками в пол.

На клумбе были красивые цветы, но я должна буду сорвать один и принести его Сениэлю.

Пока Виви готовилась к войне, Сесениэль также вернулся домой с работы в храме. Время было уже 6 часов вечера. Он вытер лицо насухо с усталым видом.

В голове подобно осиному рою постоянно проносились слова...[Я буду честна с вами. Я сказаал, что вчера ничего не произошло, но это почти произошло. Мне все равно, кого вы убьете. Я просто хочу жить в мире.]

Он весь день не мог сосредоточиться на работе.

[Ничего не предпринимайте и не двигайтесь.]

Она сразу же сказала мне ничего не предпринимать и чтобы я не уходил от нее. Она была уверена в себе, как будто знала все.

‘Неужели мне действительно нужно просто оставаться на месте ...?’

Это была чушь. Но он не мог не следовать ей.

‘Возможно, она сообщница Малыша’.

Она ни за что не сказала бы ему оставаться на месте, если бы не была сообщницей.

‘... Даже если она сообщница, что я могу сделать?’

Сениэль хорошо осознавал свою некомпетентность. Если бы у него хватило терпения, он попытался бы преодолеть эту ситуацию, но у него даже не было сил драться с Малышом, потому что он так устал от старой драки.

Думая о Виви, он даже подумал—

‘Было бы лучше, если бы она была сообщницей. По крайней мере, ее не убьет Малыш.’

Он больше не хотел видеть, как умирают люди вокруг него.

Что еще хуже, так это то, что иногда Малыш испытывал сильную эйфорию от убийства, и были моменты, когда Сениэль испытывала радость. Он не хотел испытывать такого рода ужасное удовольствие, даже если жертвы мучили Сениэля долгое время.

Он лелеял свои слабые надежды, направляясь прямо в столовую, чтобы сдержать данное ей обещание.

‘Может быть, она скажет правду за ужином’.

Кстати, я когда-нибудь говорил ей, когда заканчивал работу?

Думая о том, что она ждет его, он понял, что так и не пообещал ей, когда будет ужинать. С запозданием он забеспокоился, что она, возможно, ждала его в столовой.

Сениэль быстрым шагом вошел в столовую, которой не пользовались более десяти лет.

Под источающими ярким свет люстрами на столе блестели блюда с суши, моря и воздуха. Прошло совсем немного времени с тех пор, как их подали, так что пар от блюд все еще поднимался. Хотя столом не пользовались несколько лет, он все еще был таким же чистым, как новый, поскольку за ним тщательно ухаживали.

Стакан той же цены, что и месячная зарплата простолюдина, был наклонен вдоль ее руки. Когда она пила воду, их взгляды встретились.

Невинная, загадочная женщина с яркими выразительными и глубокими глазами сразу же проглотила воду и запоздало улыбнулась. Ее волосы были собраны в простой конский хвост и покачивались, когда она махала рукой. Она поприветствовала его, который даже не мог поздороваться, первым. “Ты здесь? Я немного в растерянности... Ты не сказал точно, когда мы будем ужинать. ”

“С каких это пор ты ждешь?”

“Я не знаю. Прошло некоторое время. Ты всегда уходишь с работы в это время?”

“... Да”.

“Ты, должно быть, очень голоден. Присаживайся скорее.”

Сениэль посмотрел на Виви и сел за стол. Прошло много времени с тех пор, как он вот так с кем-то ужинал в столовой. Небрежно подсчитав, сколько времени прошло с тех пор, как он неторопливо говорил о повседневных вещах, он вскоре встал и ушел. Все это было бесполезно.

<http://tl.rulate.ru/book/75704/2963884>